

Дьявольские Пирожники

Лидия Степ

Лидия Степ

Дьявольские пряники

«Автор»

2026

Степ Л.

Дьявольские пряники / Л. Степ — «Автор», 2026

«Дьявольские пряники» – остроумная сатирическая фантастическая история, переворачивающая традиционные представления об аде и рае. Роман представляет собой остроумную смесь фэнтези и сатиры на современную бюрократию. Через призму юмора в произведении поднимаются серьезные темы: свобода воли, противостояние систем, природа человеческих желаний и страхов, а также извечный вопрос о тонкой грани между Светом и Тьмой. Для любителей остроумной фантастики с элементами сатиры и нестандартного подхода к классическим сюжетам.

© Степ Л., 2026

© Автор, 2026

Лидия Степ

Дьявольские пряники

Предисловие.

Если бы правда действительно была исключительным благом, разве существовали бы те, кто от нее бежит?

Глава I. Послание

В сверкающем зале Нижнего Дворца Искушений – привычный хаос. Повсюду разбросаны эскизы вечерних платьев, недопитые бокалы шампанского и меню лучших ресторанов преисподней. За огромным столом из черного оникса сидит Люциус Великолепный – глава Низшего Света, верховный куратор всех земных удовольствий.

Его обычно безупречная укладка слегка растрепана, а алый шелковый халат небрежно распахнут. В одной руке он держит бокал игристого вина, взгляд рассеянно скользит по россыпи бумаг на столе. В воздухе витает аромат жасмина и едва уловимый запах ладана и табака – верный признак того, что в зал только что вошел кто-то из младших слуг преисподней.

Люди веками рисовали в воображении картину ада – яркую, пугающую, полную зловещих образов. Чаще всего ад представляется как дорожка, вымощенная благими намерениями: будто каждый добрый порыв, обернувшийся ошибкой, укладывает очередной камень в эту мрачную дорогу. Вслед за этой мыслью воображение дорисовывает огромный кипящий котел, в котором мучаются грешники. Воздух там, как принято считать, дрожит от невыносимой жары, а пламя лижет стены преисподней; краснокожие черты с вилами в руках подталкивают души к котлам и строго следят, чтобы никто не избежал своей участи. Все вокруг черное и унылое: крошечная тьма, подсвеченная лишь отблесками огня, у самых врат ада стоит грозный страж – то ли Цербер, то ли могучий демон с тяжелым взглядом, – он не пускает обратно и строго следит за порядком в преисподней. А рядом, словно символ высшей справедливости, возвышаются весы, на которых взвешиваются грехи и добрые дела: малейший перевес в сторону зла – и судьба души решена.

Но вопреки ожиданию человечества ад оказался на удивление... офисным. Никаких огненных рек – вместо них ковровин цвета «вальжная серость», который, кажется, поглощает не только шаги, но и волю к сопротивлению. Вместо чертей с вилами – менеджеры среднего звена в слегка оплавленных галстуках, вечно спешащие на планерки у начальника отдела вечных мук. На входе в ад никаких грозных стражей с трезубцами и огненными мечами не оказалось. Ни Цербера, ни демонического великана с пылающим взором – ничего подобного. Вместо этого за массивной, внушительно скрипящей дверью сидит некий образ обыкновенной женщины лет пятидесяти с лишним весом – в строгом сером костюме, с туго стянутыми в пучок волосами и взглядом, способным заморозить даже пламя преисподней. Перед ней на столе красуется самодельный плакат: «Соблюдайте очередь! Вход строго по талонам». Рядом терминал электронной очереди. А любимая фраза дамы: «У нас тут не санаторий, а система!»

Дед Матвей, проживший долгую жизнь – никак не ожидал, что его путь в загробный мир начнется с очереди.

Он очутился перед массивной дверью с потускневшей табличкой «Вход в ад» и, перекрестившись по привычке, толкнул ее. Вместо пламени, чертей и котлов его встретил просторный холл с линолеумом в елочку и стойкой, за которой сидела дама с железным взглядом и папкой «Текущие грешники».

– Талончик возьмите, – строго сказала она, не поднимая глаз.

– Чего-чего? – опешил дед.

– Талон! На прием. Видите очередь? Все по талонам.

Дед оглянулся. Действительно, вдоль стены выстроились души – кто-то листал потрепанную газету «Загробные вести», кто-то нервно поглядывал на часы, кто-то уже успел задремать, привалившись к стене.

– Да я ж не за собой, – попытался объяснить дед. – Меня, значит, за грех какой-то сюда определили...

– Все за грех, – отрезала дама. – У нас тут не санаторий. Берите талон и становитесь в конец. И не толкайтесь!

– Да какой толк в талонах-то? – возмутился дед. – Я ж помер уже! Чего еще ждать?

– Порядок есть порядок, – дама наконец подняла глаза, и дед почувствовал, как по загробной спине пробежал озноб. – Нарушение регламента – плюс сто лет к сроку.

– А за что ж меня, скажите, сюда-то? – решил уточнить дед, беря бумажку с номером тысяча триста сорок семь. – Я ж вроде как...жил как все. Огород сажал, внуков учил, на лавочке посиживал...

– Секунду.. сейчас посмотрю, – недовольно ответила женщина, открывая данные на компьютере. – По данным отдела учета грехов вы в 1987-м году у соседа с грядки три огурца сорвали.

– Так то ж Петька сам сказал: «Бери, Матвей, не жалко!» – всплеснул руками дед.

– Показания свидетеля не подтвердились, – сухо отрезала дама. – Он утверждал, что молчал, а вы воспользовались его молчанием в корыстных целях.

– Да какие корыстные? Три огурца! – дед чуть не топнул ногой, но вовремя вспомнил, что теперь он вроде как бесплотный.

– Грех есть грех, – поджала тонкие губы с морщинами дама. – Если вы не согласны с решением отдела учета грехов, – бесстрастно продолжила женщина за стойкой, – имеете право подать заявление на пересмотр вашего дела. Вот бланк.

Она ловко вытащила из стопки лист желтоватой бумаги с заголовком «Форма № 666-А (ред. от 13.06.1213 г.) „Заявление на пересмотр решения о направлении в ад“» и протянула деду.

– Заполняйте разборчиво, в трех экземплярах. Один остается у нас, второй – в архив, третий – для личного пользования, пока идет рассмотрение.

Дед Матвей растерянно взял бланк:

– И сколько ждать-то?

– Рассмотрение заявления занимает от трехсот до пятисот лет, – отчеканила дама. – В зависимости от загруженности комиссии по пересмотру загробных дел.

– Да я ж за пятьсот лет тут пять раз еще помру! – всплеснул руками дед.

– Это не является основанием для ускорения процедуры, – строго заметила дама. – Это вам не рай, где святые на облачках вечно катаются, – фыркнула женщина за стойкой, аккуратно раскладывая талоны по папкам «Принято», «На рассмотрении» и «Отказано».

Кто-то из очереди сочувственно хмыкнул:

– Я вот подал заявление еще при Иване Грозном. До сих пор жду. Говорят, мой пакет документов где-то в канцелярии затерялся. Теперь вот жду, когда найдут – а это, по предварительным оценкам, еще лет двести.

Дед Матвей вздохнул, положил бланк в карман и побрел в самый конец очереди.

– Ну и дела, – бормотал он себе под нос. – Огурцы эти проклятые... Да у нас в сельсовете в 70-х и то быстрее дела решали!

Он оглянулся на даму за стойкой – та уже деловито закрыла окно регистрации, выставив табличку «Прием душ: 9:00–17:00, обед 13:00 –14:00». Опоздавших не принимаем, только по предварительной записи на следующую вечность.»

Так что да, ад – это, по сути, обычный офис. С бюрократией, дедлайнами, совещаниями и чувством, что ты застрял здесь навсегда. Все как у всех.

В воздухе также витает запах перегретого принтера и дешевого растворимого кофе из автомата, который почему-то всегда выдает напиток с привкусом отчаяния. На стенах – мотивационные плакаты: «Страдание – путь к просветлению» и «Кайся эффективнее: внедряй КРІ в раскаяние».

Коридоры заполнены душами, толкающими тележки с папками «Незавершенные грехи», «Отложенные раскаяния» и «Документы на пересмотр приговора». Кто-то нервно листает регламенты, пытаясь найти пункт, позволяющий обжаловать решение. Кто-то стоит у кулера, обсуждая с коллегой: «Ну да, опять эти квартальные муки перенесли на следующий век...»

Обеденный перерыв в офисе Низшего Света, безусловно, тоже имеется. Проходит в столовой с меню «Грех дня» и очередью за порцией «Вечного сожаления с гарниром из угрызений совести». Кто-то достает из сумки контейнер с котлетами из домашних скандалов, а кто-то листает демонический аналог соцсетей – «Инфернограм», где все выкладывают фото с горящих огнем компьютеров и подписи вроде: «Опять вечные муки... Но хотя бы вид красивый!»

А вечером, когда огни адских ламп тускнеют, души расходятся по домам. Точнее, по камерам временного содержания. А уборщики с метлами и ведрами с кипящей смолой наводят порядок. И только в дальнем углу кто-то дописывает на доске: «Завтра – обязательный тренинг: „Как повысить эффективность мук без увеличения бюджета“».

В кабинете начальника, Люциуса, Владыки Низшего света, все тоже как положено: массивный стол из черного оникса, на стене – портрет Верховного Судьи в золоченой раме, а на подоконнике – горшок с чахлым ядовитым кактусом, который, по легенде, выжил здесь еще со времен Всемирного потопа. Только со времен правления Люциуса зал значительно преобразился, наполнившись атрибутами роскоши и великолепия.

По периметру зала возвышаются высокие колонны из полированного базальта с инкрустацией из черного серебра. Каждая украшена барельефами, изображающими сцены древних триумфов и аллегории искушения – фигуры грешников и демонов переплетаются в причудливом танце, застывшем в камне. Капители колонн венчают скульптурные головы рогатых существ, чьи глаза, казалось, следили за каждым, кто переступал порог.

Между колоннами протягиваются тяжелые бархатные портьеры глубокого багряного цвета с вышитыми по краям символами древних заклятий. Пол выложен мозаикой из кусочков обсидиана и кроваво-красного кварца, складывающихся в сложный узор – карту девяти кругов ада, где каждый изгиб линии имеет магическое значение. В центре зала, прямо под массивной люстрой, сияет символ власти Люциуса: переплетенные змеи, кусающие друг друга за хвост, – древний знак вечного цикла искушения и раскаяния.

Люстра, свисающая с высокого сводчатого потолка, представляет собой настоящее произведение искусства: сотни кристаллических капель, имитирующих застывшие капли адского пламени, преломляют свет так, что по стенам бегают алые блики. Она питается не электри-

чеством, а концентрированной энергией мелких грехов – каждый раз, когда где-то на земле кто-то лжет или завидует, люстра чуть ярче вспыхивает.

У дальней стены стоит витринный шкаф из черного дуба с серебряными накладками. За стеклом хранятся реликвии: перо, которым подписаны первые договоры о продаже душ; миниатюрная модель первого котла; книга с именами всех грешников за последние три тысячелетия.

На столе рядом с кипами документов расположился небольшой фонтанчик – не с водой, а с тягучей темно-фиолетовой жидкостью, напоминающей густое вино. Она медленно струится по ступеням из черного мрамора, создавая успокаивающий звук, который, как говорили, помогал Люциусу принимать сложные решения.

Даже канцелярские принадлежности выглядели роскошно: пресс-папье из цельного аметиста, чернильница из черепахового панциря древнего демона, ручки с корпусами из кости мифических существ. Даже скрепки здесь отлиты из сплава, содержащего частицу первородного огня.

Воздух в зале Люциуса был насыщен едва уловимым ароматом чего-то неуловимо горького, напоминающего о вечности. Все в этом кабинете – от тяжелых ковров с вязью магических символов до позолоченных уголков папок с документами – кричало о власти, но не грубой, а утонченной, изысканной, достойной того, кто когда-то бросил вызов самим небесам, а теперь правил Низшим Светом с безупречным вкусом.

У Люциуса, конечно же, как и у любого начальника, сложности уже другого уровня – не то что у простых рядовых демонов.

В разгар рабочего дня Люциус с наслаждением делал глоток ароматного капучино – не адского варева, а настоящего, земного, с легкой горчинкой и нотками карамели. Он специально заварил его по особому рецепту: три минуты настаивания, строго 85 °С, щепотка корицы – только так можно было на мгновение забыть о бесконечных отчетах, совещаниях и вечных муках, которые требовали постоянного контроля.

Владыка Низшего света удобно устроился в своем кресле из обсидиана, закинул ногу на ногу и сосредоточенно следил за экраном древнего плазменного телевизора. На экране разворачивалась драма: герои сериала стояли на краю обрыва, злодей произносил пафосную речь, а главная героиня с трагическим выражением лица шептала: «Ты не понимаешь, что натворил...»

– О, наконец-то кульминация, – пробормотал Люциус, потянувшись за печеньем в форме черепов. Люциус уже оттопырил накрахмаленный лаком мизинец, изящно держа в руках крошечную чашку из тончайшего костяного фарфора, но насладиться моментом до конца ему было не суждено.

Из-за помпезной колонны выскочил чертенок с пушистым хвостом, едва достающий Люциусу до колена. Его глаза горели восторгом и тревогой одновременно. Люциус в панике отбросил кружку с капучино – та, к счастью, приземлилась на мягкую подушку рядом с креслом, не проронив ни звука. Быстро выключил свой телевизор и движением, отточенным годами скрытности, он подхватил с низкого столика бокал насыщенного рубинового вина и демонстративно поднес его к губам, сделав вид, будто пил все это время именно его.

В руках чертенок сжимал внушительную стопку пергаментных свитков, перевязанных белой лентой с печатью Высшего Света.

– О, ваше Греховейшество! – выпалил чертенок, едва не споткнувшись козыми ногами о край персидского ковра. – Срочные послания! Из Высшего Света!

Люциус лениво приподнял бровь. Увидев толстую стопку бумаг, его глаза мгновенно налились дьявольским злом:

– Опять? – он сделал глоток вина, не отрывая взгляда от посланника. – И каким же небесным созданием на сей раз удостоили нас чести? Свиток, перевитый шелком на белых лебедях?

Или, быть может, послание от ангелов в бархатных перчатках, скрепленное восковой печатью с божественными перстами?

– Никак нет, Ваше Злодейшество. Это... распечатали на принтере. С тех самых пор, Владыка, как белые лебеди вернулись Высшему Свету в виде «гриль» мы перешли на электронный документооборот. Белые лебеди... оказались непрактичны. А электронная почта – оперативно, гигиенично и без перьевой пыли.

– Ясно. Бюрократия без места веселью. И что на этот раз? Неужели они наконец решили похвалить нашу новую линию соблазнительных ароматов?

Чертенок нервно переступает с ноги на ногу, хвост дергается из стороны в сторону.

– Э-э-э... не совсем, Повелитель. Тут... тут, кажется, претензии. Много. – Он протягивает стопку свитков, и те слегка дрожат в его маленьких руках. – Они пишут про «чрез-

мерное распространение дьявольских тенденций», «необоснованное увеличение удовольствий на душу населения» и... э-э-э... «систематическое нарушение баланса искушений в мировой среде». И это только маленькая часть..

Люциус издает долгий, утомленный вздох. Он ставит бокал на стол, берет верхний свиток и пробегает глазами первые строки. Его лицо постепенно приобретает выражение, которое младшие демоны называют «ледяным великолепием».

– «Требуем немедленного отчета по всем случаям распространения искушений за текущий год...», – читает Люциус, и каждая фраза звучит все более ядовито. – «Описать количественно и качественно: число соблазнительных предложений в сегменте „людской соблазн“; объем эмоционально-увлекательных мероприятий, провоцирующих легкомыслие; интенсивность гастрономических провокаций, ведущих к чревоугодию“».

Люциус резко перелистывает страницу.

– Также надлежит предоставить детализацию по: частоте использования чар искушения в общественных заведениях; количеству случаев злоупотребления эстетическим наслаждением, включая архитектуру, живопись, музыку и парфюмерию; статистике „злоупотребление доверием“ и „беспричинных приступов депрессии“, подрывающих установленный порядок счастья в людском мире.

Люциус отрывается от свитка, взгляд его холоден и резок.

– Подрывающих порядок счастья, – повторяет он с издевкой. – Как будто удовольствие – это болезнь, которую нужно карантинировать.

Он бросает свиток на стол, тот скользит по полированной поверхности из черного оникса.

– Это уже ни в какие ворота! – восклицает Люциус, швыряя письма на стол. – Они что, всерьез думают, что мы тут только и делаем, что заполняем их бесконечные отчеты?!

Чертеноч, все еще топчущийся у резной колонны, робко подает голос:

– Там еще... там еще про грехи, Господин. Требуют «анализа распределения греховных активностей по категориям: гордыня, зависть, гнев, лень, алчность, чревоугодие и похоть». С таблицами и графиками.

Люциус закатывает глаза.

– Графики грехов? Диаграммы пороков? – он хохочет, и смех его звенит, как разбитое стекло. – Они хотят превратить всю мою работу истинного кузнеца наслаждений в пустую отчетность! В скучную череду цифр и столбцов!

Он встает, алый халат распахнут, рубашка из черного шелка мерцает в свете хрустальных ламп.

– Слушай меня внимательно, – говорит он, и голос его звучит как звон проржавевшего колокола в час, когда его имя впервые было вычеркнуто из книги жизни. – Передай в письменном виде, что сейчас я полностью поглощен подготовкой к Великому пиру Теней. А это событие века, знаете ли!

Он обводит взглядом хаос зала: разбросанные эскизы, недопитые бокалы, стопки меню с экзотическими блюдами вроде «Слез падшего ангела» и «Амброзия неверности».

– Предстоит столько работы: согласовать меню, продумать световое оформление, подобрать музыку, которая каждого гостя ввергнет в смертельный ужас... Мне не до бюрократии, право слово.

Чертеноч переминается с ноги на ногу, хвост нервно подрагивает.

– Э-э-э... Хозяин, – робко произносит чертеноч, глядя в пол. – Я уже передавал им почти такой же ответ позавчера. Когда вы готовились к «Эпохальному карнавалу искушений».

Люциус замирает на мгновение, затем разражается звонким смехом.

– Ах да, припоминаю... – он проводит рукой по растрепавшимся волосам. – Кажется, тогда я еще требовал особого сорта роз – черных, с алыми прожилками, чтобы они пахли как грех незамужней девственницы и выглядели как вызов целомудрию.

Он встает, подходит к огромному зеркалу в раме из черненого серебра и критически осматривает свой слегка помятый алый халат.

– Этот Черт достоин трона, даже если весь Высший Свет не упадет к его ногам с отчетами и предписаниями! – восклицает Люциус, резким движением расправляя плечи.

Он проводит ладонью по зеркальной поверхности, и отражение на миг начинает искажаться, словно тоже страшится его воли. В глазах Люциуса вспыхивает озорной огонь.

– Посмотри на это, – обращается он к чертенку, поворачиваясь боком и оценивая силуэт. – Линия плеча безупречна. Ключицы – как шепот соблазна. А этот оттенок алого в моих зрачках... Он кричит: «Я здесь, и я не извиняюсь!».

Люциус делает шаг назад, скрещивает руки на груди, критически прищуривается.

– Только придется немного подправить освещение в зале – чтобы этот цвет заиграл как надо. Оттенок тона лица достаточно безжизненный? И еще... – он замолкает, будто мысленно перебирает списки задач, – ...розы! На этот раз обставить залы бархатными маками с темными венами. Чтобы каждый гость почувствовал: он попал не на бал, а в самое сердце опьяняющего искушения. Позовите распутных девиц! Мой бокал опустел. И где портной с моим одеянием? Черт его носит! Позовите девиц и портного!

В тот же миг распахнулись двойные двери, и в зал вихрем ворвались распутные девицы – словно порхание черных крыльев мотылька. Шелка шуршали, браслеты звенели, смех разливался, как шампанское. Каждая – воплощение оттенка соблазна: одна со жгучими глазами-опалами, пожирающими изнутри, другая – с улыбкой на губах, от которой невозможно было бы отказаться ни одному смертному, третья – с движениями, будто танцующая тень во время животного слияния похотливой плоти.

– Мой бокал пуст! – возвышает голос Люциус, и тут же ловкая женская рука наполняет его до краев искрящимся напитком.

– И где, скажите на милость, портной?! – добавляет он с притворным негодованием.

Как по команде, из-за колонн выступает портной с рогами, на которых искрится камень обсидиана. Худощавый демон с игольчатыми пальцами и взглядом, острым, как лезвие ножниц, держал в руках сверкнувшее в свете ламп одеяние: черный бархат, прошитый нитями чистого серебра, с воротником-стойкой, напоминающим одновременно корону и клинок.

– Ваше Сквернейшество, – склоняется портной, – вот оно. То, что заставит даже тени теней склонить головы перед вами.

Люциус медленно подходит, проводит рукой по ткани – она отзывается легким мерцанием.

– Наконец-то, – произносит он, и в голосе звучит нечто среднее между удовлетворением и насмешкой. – А то я уж начал думать, что вы решили оставить меня в этом халате – пусть и великолепном, но все же... будничном.

Девицы окружают его, одна поправляет прядь волос, другая невесомо касается плеча, третья шепчет что-то, от чего на губах Люциуса появляется хищная улыбка, уставленная на бедра одной из дьявольских красавиц.

Чертенок робко подает голос в знак напоминания о своем присутствии:

– Владыка, но вы же сказали, что отчет для Высшего Света...

– Ах, отчет! – Люциус взмахивает рукой, словно отгоняя назойливую муху. – Пусть ждут. У меня сейчас есть дела поважнее. Великий пир Теней не организуется сам. Кто-то должен следить, чтобы вино было холоднее гробовой плиты, музыка – довольно опасной для психики, а гости – достаточно безрассудными.

Он сделал шаг вперед, и тень его, удлиненная светом свечей, заполнила весь зал.

– Если им нужен отчет, пусть придут сами. Я покажу им, что значит настоящий грех. Не в этих жалких цифрах, а в огне. Не в таблицах, а в громоподобном страхе сердцебиения. Не в бумажках, а в оглушительном крике порочного наслаждения.

Чертеноч побледнел. Что удивительно, учитывая его обычный адово-красный оттенок кожи.

– Ваше Великолепное Сиятельство... – шепчет он, и голос прерывается. – С Высшим Светом... нельзя не ладить. Во времена... во времена Великого Раскола, когда небеса и бездны сошлись в противостоянии, именно дипломатия спасла нас от... от полного уничтожения.

Он судорожно сглотнул, но продолжил, собрав всю смелость:

– Они ведь не просто требуют отчеты. Они следят. За балансом. За тем, чтобы... чтобы искушения не переросли в хаос. Если мы совсем перестанем отвечать, если покажем, что нам нет дела до их правил...

Люциус медленно обернулся. В его глазах – не только искра раздражения, но и отблеск легкого любопытства.

– ...они могут послать своих Наблюдателей в земной мир, – едва слышно заканчивает чертенок, опуская взгляд. – А тогда... тогда даже ваш пир может обернуться судом. Так как показатель человеческого несчастья равен экстремуму!

В зале на миг повисла тяжелая тишина. Даже девицы замерли, перестав шелестеть шелком. Вульгарный портной осторожно отступил на шаг, сжимая в руках бархатное одеяние. Люциус сделал два медленных шага к чертенку, наклонился, глядя ему прямо в глаза.

– Ты боишься, – произнес он негромко, почти ласково. – Это хорошо. Страх держит мир в равновесии. Но знаешь, что держит страх в узде?

Чертеноч неуверенно поднял взгляд.

– Решимость, – продолжает Люциус, и в его голосе прозвенела сталь, прикрытая шелком.

– Решимость смотреть в лицо неизвестности и говорить: «Я здесь. И я не извиняюсь».

Он сделал шаг еще ближе, вновь наклонился к чертенку, что тот почувствовал тепло его дыхания – странное, нездешнее тепло, будто от тлеющих углей.

– Ты думаешь, я не вижу, как без конца подпирают Империю Низшего Света? Как тянутся к нашим границам их светлые щупальца, как пытаются нащупать наши слабые места, чтобы втиснуть свои предписания, свои никчемные «правила хорошего поведения»?

Люциус резко развернулся, и его халат взметнулся, как крыло летучей мыши с ядовитыми клыками..

– Приказываю собрать Малый Совет Низшего Света. Пригласить старейшин искушений, хранителей теней, мастеров соблазнов!

Он взмахивает рукой, и в воздухе материализуется свиток, сияющий тусклым алым светом.

– Вот. Отнеси это старейшинам. Пусть соберутся через три часа!

Чертеноч выхватил сверток, который пульсировал, как живое окровавленное сердце, и поспешно исчез из зала Тьмы.

Люциус повернулся к окну, за которым мерцал город преисподней. Внизу, в лабиринте улиц, пульсировала жизнь Нижнего Города: огни кабаре вспыхивали, как неоновые змеи, из приоткрытых дверей доносились обрывки музыки – то томной, то бешеной. Долго он молчал, глядя на эти огни. Затем повернулся – в глазах вспыхнул знакомый озорной огонь.

– Где мой бокал шампанского? Начинаем примерку! Безукоризненная правота любит убранство! Я – есть мои поступки! И я за них не извиняюсь!

Одна из распутных девиц, словно материализовавшись из полумрака, скользнула к нему с бокалом искрящегося напитка. Хрусталь коснулся пальцев Люциуса – сверкающий, безупречный, с гравировкой в виде переплетенных змей.

– Благодарю, – он едва кивнул, не глядя на служанку, и поднес бокал к губам. – Проклятие, опять теплое...

Он резко разбил бокал о каменные плиты зала Теней, и тот издал жалобный звон. Люциус хлопнул в ладоши, и по залу прокатилось эхо, заставляя замерших в углах слуг вздрогнуть.

– Немедленно принести шампанское из ледяных погребов! То, что с пузырьками, которые кусают язык, как маленькие демонята. И чтобы каждый глоток обжигал, будто первый поцелуй в полночь!

В мгновение ока двое чертей метнулись к потайной двери, ведущей в винные подвалы. Люциус проводил их взглядом, в котором плясали бесовские огоньки. Зал наполнился ликующими криками, музыкой, звоном стекла. Слова Люциуса уже летели сквозь ночные улицы Нижнего Города, превращаясь в шепот, в слух, который будут повторять вновь и вновь:

«Я здесь. И я не извиняюсь!»

Глава II Совет в Низшем Свете

Тронный зал Преисподней, обычно озаренный багровыми отсветами жгучего пламени, сегодня был затянут густым туманом. Как предвестие чего-то неминуемого, он стелился по полу, обвивал колонны, глушил звуки и размывал очертания.

Посередине зала стоял длинный овальный стол из черного кварца, вокруг которого на каменных скамьях, вырезанных в форме изувеченных душ, сидели представители всех слоев Нижнего Света: от старших демонов с идеально отглаженными пиджаками до мелких чертей, торопливо поправляющих бордовые галстуки и стирающих со лба следы серы.

В центре зала – Люциус. Не в огненном плаще, не с трезубцем, не с красными жгучими рогами, торчащими из длинного черного цилиндрического головного убора. Это давно уже считалось моветоном и атрибутами древней власти. Люциус предстал на совещании в черном шелковом костюме с легким фиолетовым отливом, как будто сотканным из полутона черного, переходящего в алый цвет. По ткани, словно звезды в бездонно черном небе, переливались шестьсот шестьдесят шесть высеченных бриллиантов – реликвий, хранящих отблески судебных самовольно утопившихся аристократов. Это был не просто наряд – это пафос. Это дань прошлому. Молчаливый намек на власть, ушедшую в глубину веков, но не утратившую веса во всей его роскоши спустя даже тысячи лет. Силуэт Люциуса то проступал сквозь туман, то снова растворялся в нем – словно сам зал играл с присутствующими, намекая: все в мире есть не то, чем кажется. Только рубиновый взгляд его, задумчивый, смертельно медленный, скользил по залу, цепляясь за детали, словно взвешивая и оценивая каждое движение, каждый блик. Люциус не шевелился. Его пальцы, длинные и тонкие, лениво скользили по поверхности подлокотника, вычерчивая невидимые узоры змеиных голов. В воздухе витал едва уловимый аромат его парфюма: смесь ладана, пепла, табачного листа и стручка ванили.

Вокруг него, в полумраке зала, замерли советники. Они не смели заговорить первыми – ждали знака. Даже тени, обычно суесящиеся у стен, притихли, словно боясь нарушить эту тяжелую, насыщенную смыслом тишину.

– Итак, – начал Люциус, не повышая голоса. – Высший Свет прислал нам... новый меморандум. Он давит на нас со всех сторон. Они блокируют наши каналы, переписывают нарративы, внедряют свои идеи в умы людей. Мы реагируем – но как? Как загнанный зверь, бьющийся в клетке из собственных страхов.

– Но.. Ваше Мракобейшество, статистика показывает, что мы ничего не нарушаем, – начал свою речь первый советник, Велеад, хранитель архивов Низшего Света.

Мгновенно он погрузился в голографические потоки данных, его пальцы летали над проекциями, выхватывая обрывки информации.

– Статистика! – гром голоса Люциуса озарил весь зал. – Вы цепляетесь за цифры, как жалкий утопающий за соломинку!

– Простите, Ваше Инфернейшество, но статистика – это..

Люциус нервно поднялся с трона и бриллианты на его костюме вспыхнули, отражая свет, которого в зале не было.

– Это то, что они позволяют нам видеть! Они рисуют нам графики, где мы всегда в минусе, а сами тем временем переписывают правила игры. А вы... вы сидите и считаете, сколько раз мы моргнули не по регламенту! «Мы ничего не нарушаем», – его губы искривились в холодной усмешке над словами первого советника. – Как будто наше существование нуждается в оправданиях!

Советник, на свою беду осмелившийся заговорить, побледнел. Его пальцы нервно теребили край мантии, а за спиной шевельнулись тени, будто пытаются отступить.

– А я вас всех спрашиваю: кто установил эти правила? Кто дал Высшему Свету право судить нас? Кто решил, что тьма должна оправдываться за свое существование?

Люциус развернулся к остальным советникам. Его глаза горели холодным огнем.

– Чем здесь воняет? Какая омерзительность! Я чувствую запах ваших обмоченных штанов от страха всего сущего! Я это не переносу! Вы сидите здесь, в зале, где вершились судьбы миров, и боитесь даже думать. Боитесь действовать. Посмотрите на себя! Сидите, уткнувшись в отчеты, словно нищие у порога храма, с протянутыми руками и молитвами: «О, Высший Свет, смилуйся, разреши нам хотя бы чуть-чуть существовать!» – Люциус усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья. – Я

не требую от вас статистики. Я требую стратегии! Или пламя в жаровнях долго таило свой жар?

Люциус плавно двинулся к столу советников. В зале повисла тишина, густая и тяжелая, как предгрозовой воздух.

– Вы забыли, что значит быть частью Нижнего Света? Мы – не просители. Мы – не оправдатели. Мы – власть. И если вы неспособны это осознать, то зачем вам места за этим столом?

Он остановился перед первым из советников за столом – тот невольно вжался в кресло, пытаясь слиться воедино с обивкой. В углу зала, где тени сгущались плотнее обычного, робко поднялся младший советник по имени Тенеяр, едва заметный среди величественных фигур старших советников. Его мантия казалась слишком большой, а взгляд – чересчур пристальным для столь юного обитателя Нижнего Света.

– Ваше Смертейшество... – начал он, сжимая в пальцах край рукава. – Позвольте предложить... нечто нами позабытое.

Люциус, до этого отстраненно оценивающий качество кутикулы на руках, медленно повернул голову. Его бровь едва приподнялась, проскользнул еле уловимый знак внимания.

– Говори, – бросил он коротко.

Младший советник сглотнул, но голос его окреп:

– Пора отправить наблюдателя, – произнес он, не поднимая взгляда. – Ситуация в человеческом мире выходит за рамки прогнозируемых паттернов.

Люциус, откинувшийся на свой трон из черного базальта, приподнял бровь:

– Опять? Разве недостаточно тех, кто уже там?

– Акцентирую, Ваше Ужасейшество: вы говорите о предыдущем пуле наших наблюдателей прошлых веков, остальные – не были согласованы Вами официально, – уточнил Тенеяр с налетом профессиональной сдержанности. – Каждый из них успешно завершил миссию согласно KPI, однако динамика изменений в человеческом сегменте превышает наши аналитические возможности. Требуется свежий взгляд – желательно с креативным уклоном.

Тенейр изящным жестом активировал голографический дашборд. Перед собравшимися развернулась хронологическая лента с кейсами-прецедентами. Н.Гоголь, «Мертвые души». Статус: завершен. Результат: документирован процесс дегуманизации через призму гротескно-абсурдных метрик. Ключевой инсайт: души склонны к трансформации в товар при опреде-

ленных условиях рынка. М. Булгаков, «Мастер и Маргарита». Статус: действующий (бессрочный). Результат: легализован ключевой тезис межсветских договоренностей на вечность: «Свет и Тьма – не антагонисты, а комплементарные сущности». Н. Некрасов: «Кому на Руси жить хорошо». Статус: не завершен. Причина: Нарушение принципа невмешательства.

Другими словами, Наблюдатель Николай был вызван обратно в Совет. То есть официально: умер. Документ начал не просто фиксировать реальность, но и прямо пропорционально влиять на судьбы человеческого мира, что искажало изначальный принцип невмешательных наблюдений Низшего Света.

Люциус задумчиво постучал пальцем по подлокотнику, где вырисовывались не только змеиные головы, но и сенсорные кнопки экстренного вызова легиона теней и бара с игристым шампанским.

– Итак, вы предлагаете повторить схему, но с новым исполнителем? И какими же задачами мы его наделим?

Тенейр выпрямился, чувствуя, как в груди разгорается огонь решимости:

– Минимальное вмешательство, максимальное воздействие через образ. Пусть он творит свободно. Искусство – единственный вирус, который нельзя заблокировать антивирусом Высшего Света.

Один из старших советников, Призраслав – мастер переговоров, скептически хмыкнул, перелистывая голографические страницы. Мерцающие строки скользили между его пальцев, словно пытаясь ускользнуть от пристального взгляда Владыки Падшего Мира.

– А если он вновь нарушит закон невмешательства? – голос Призраслава звучал ровно, но в нем угадывалась настороженность. – Если его действия обернутся против нас? Если он задокументирует то, что нам невыгодно?

Тенейр ответил без тени сомнения, его голос был спокоен:

– Тогда это будет его выбор. И в этом – сила данного метода. Мы не можем заставить Высший Свет принять правду – мы должны действовать дипломатически и дать ему возможность найти ее. Иначе завтра наши убеждения станут лишь мишенью для новых нападок. Они будут оспорены очередным «имейлом», в котором будет еще три меморандума, два циркуляра и брошюра «Как правильно понимать наши правила». А потом скажут: «Вы сами согласились – вот подпись под пунктом 4.2.7-б. Нам нужен не просто документ – нам нужен аргумент, который невозможно опровергнуть. Такой, на который мы сможем сослаться в Верховном суде как на неоспоримое свидетельство правомерности наших действий.

– Вы, Всемиужасаемый Тенейр, говорите сейчас о доверии, – вмешался советник Велеад. – Вы говорите о свободе. Но разве не мы, обитатели Нижнего Света, знаем лучше других, что свобода – это сушая иллюзия? Что каждое действие имеет свою цену? – его голос звучал негромко, но каждое слово отдавалось эхом в зале. – Мы не можем выпустить в человеческий мир неизвестную силу, не имея рычагов воздействия. Это слишком рискованно.

Тенейр выпрямился, хитро прищурился и с едва заметной усмешкой ответил:

– Именно поэтому, Ваше Кровейшество и Всемиужасаемый Велеад, мы знаем цену свободы, потому что платим ее каждый день. И если мы хотим, чтобы Высший Свет ослабил хватку, перестал диктовать свои правила, позволил Нижнему Свету устраивать пиры и балы без оглядки на их «светлые» предписания, то мы должны действовать иначе. Не навязать и спорить, не приказывать, а документально зафиксировать. Мы, со своей стороны, можем действовать сообща – но в удаленном формате подключения. Не вмешиваясь напрямую, не нарушая закона невмешательства. Я предлагаю сослаться на Землю «Дьявольские пряники» – по рецепту моей прабабушки, гори она с жаром в аду! О, эта дама умела сочетать приятное с... крайне сомнительным. Говорят, после ее выпечки даже бесы из отдела гастрономических искушений просили добавки – а потом неделю страдали от изжоги совести и несварения гордыни. А главное – каждый укус оставляет микроскопический след в хрониках Низшего Света. При этом

пряник не принуждает к действию напрямую – он лишь усиливает уже существующий внутренний импульс, которым смертельно хочется поделиться. Мы будем следить, анализировать, поддерживать нашего Наблюдателя, но не управлять им. Наш Наблюдатель станет зеркалом, в котором все участники процесса творения мироздания увидят правду. Он будет закреплять услышанное на бумаге. А мы... мы будем той силой, что обеспечит сохранность и достоверность зафиксированного.

Советник по адской юриспруденции по имени Морвег, древний и суровый, с кожей, похожей на потрескавшуюся кору тысячелетнего дерева, резко выпрямился в своем кресле. Его глаза, холодные и прозрачные, как лед на краю бездны, устремились на Тенеяра.

– Вы говорите о «ненарушении закона невмешательства», – произнес он голосом, в котором звенел металл древних цепей. – Но после истории с театром Варьете это правило было узаконено в межсветских отношениях на Верховном суде.

Морвег взмахнул рукой, и над столом вспыхнула голограмма судебного протокола – сияющий свиток с печатью Верховного суда, где золотыми буквами было начертано: «Пункт 7.3. Межсветского Кодекса: ни один обитатель Нижнего Света не вправе напрямую или косвенно провоцировать массовые искажения реальности, эмоциональные всплески или поведенческие аномалии в человеческом мире, способные привести к дестабилизации социальной структуры».

– Вы помните, что было в деле театра Варьете? – продолжил Морвег, не дожидаясь ответа. – Прямое воздействие. Манипуляция сознанием. Цепная реакция хаоса. И теперь, спустя столетия, мы снова возвращаемся к этому методу!

Мало кто в человеческом мире знает или хотя бы догадывается, что каждый писатель – автоматически становится «Наблюдателем», сам того не понимая. Он берет в руки перо или садится за клавиатуру, думая лишь о сюжете, характерах, ритме фразы, – а на самом деле открывает окно в иные измерения, фиксирует то, что скрыто от глаз обычных людей.

Писатель не просто выдумывает истории: он улавливает вибрации реальности, подслушивает шепот времени, замечает тени, скользящие по краю сознания. И когда эти образы ложатся на бумагу, случается чудо – текст перестает быть вымыслом. Он становится документом миров: свидетельством о том, как устроена Вселенная на глубинном уровне, где переплетаются судьба, свобода воли и тайна бытия.

Так вышло и с Булгаковым. В «Мастере и Маргарите» он не сочинил потусторонний мир – он его увидел. Его роман – не просто великая литература, а своего рода протокол, запечатлевший законы, по которым существует структура мироздания.

Сейчас в современности имеется изобилие наблюдателей. Посты в соцсетях, заметки на контент-платформах, сторис, блоги, подкасты, короткие видео: каждый, кто делится своим взглядом на мир, невольно попадает под пристальное внимание Низшего Света.

Раньше Наблюдателями были единицы – писатели, философы, летописцы, чьи голоса доносились сквозь века. Они фиксировали время пером и чернилами, их тексты становились документами миров. Сегодня же каждый смартфон – это инструмент фиксации реальности, а каждая публикация – потенциальный артефакт будущего.

Тем не менее наиболее ценятся те, кто имеет профессию с написанием текстов – журналисты, писатели, сценаристы, копирайтеры, эссеисты. Их работы выделяются на фоне цифрового шума непростой грамотностью, а структурой мысли, ясностью изложения и умением красиво, точно, емко выразить то, что другие лишь смутно ощущают.

Именно поэтому даже такой пафосный правитель, как Люциус, Владыка Низшего света, который любит щеголять традициями былых веков, больше предпочитает читать профессиональные тексты.

Он терпеть не может бессвязных сообщений из соцсетей – с их отрывочными мыслями, опечатками, смайликами, восклицательными знаками через каждое слово и бесконечными мусорными словами «ну», «короче», «типа». Когда ему на стол случайно попадает распечатка чьего-то блога с фразами вроде «я тут подумала... а потом такое... вау, вы не поверите!!!», он морщится, безглаголиво отодвигает лист и обычно бормочет:

– Это не текст. Больше мне такое не приносите! Это сплошной нервный тик в письменной форме.

Зато, раскрыв книгу настоящего мастера слова, сам Дьявол преображается. Он откидывается в кресле, наливает себе бокал темного вина с нотками ладана и читает медленно, смакуя каждую фразу.

– Вот это – искусство, – произносит он, проведя пальцем по строке. – Здесь каждая запятая на своем месте. Здесь мысль течет, как река, а не прыгает, как испуганный черт по котлам!

Он ценит тексты, где сюжет построен, как дворец: с парадной лестницей, анфиладами смыслов и потайными комнатами для размышлений. Любит статьи, где аргументация точна, как удар вилы в цель. Восхищается стихами, где звук и смысл сливаются в едином танце.

Однажды секретарь принес ему подборку популярных постов – мол, вот, Владыка, «Наблюдатели» нового времени, все современные тенденции, народ так общается. Люциус пробежал глазами по строчкам и вздохнул:

– Народ, может, и общается, но мыслит – нет. Где глубина? Где стиль? Где хотя бы намек на величие слова?

Он отодвинул планшет и достал с полки старинное издание «Божественной комедии» в переплете из кожи мифического зверя:

– Вот как надо писать! Так, чтобы через века читающий чувствовал: перед ним наш Наблюдатель написал не просто буквы, а истинное эхо мироздания!

Поэтому Тенеяр точно знал, что предложить Владыке, чтобы он одобрил. В отличие от прочих подданных, он не тащил на стол Люциусу подборки вирусных роликов из человеческих соцсетей и не делал скриншоты чатов случайных потоков сознания обыкновенных грешников. И на опасения Морвега нарушить установленные законы по плану «Дьявольских пряников» Тенеяр даже не дрогнул. Он спокойно кивнул, словно ожидал этого возражения.

– Ужасаемый Морвег, вы справедливо говорите о рисках. Но позвольте напомнить: метод с «дьявольскими пряниками» принципиально отличается от, скажем, печально известного сеанса черной магии в театре Варьете.

Тенеяр взмахнул рукой – и над столом возникла новая мерцающая голограмма: сцена из прошлого, где тени в цилиндрах и вечерних платьях корчились в экстазе массового безумия.

– В Москве 1930-го года, – продолжил Тенеяр, – магия была прямой, агрессивной. Она ломала реальность, вырывала людей из их жизней, превращала город в арену хаоса. Последствия? Сотни искалеченных судеб, волна необъяснимых исчезновений, резонанс, который Высший Свет до сих пор использует как аргумент: «Видите? Вот на что способна тьма!»

Голограмма сменилась: теперь над столом висела схема действия пряников – изящная, почти математически четкая.

– А теперь взгляните на новый метод. Пряники не переписывают реальность. Они не вызывают пожаров, не стирают память, не заставляют людей прыгать с крыш. Их действие

локально и ограничено: эффект длится ровно столько, сколько человек держит пряник в руках или ощущает его вкус. После – остается лишь послевкусие и... осознание.

Морвег прищурился:

– И вы уверены, что Высший Свет не найдет в этом лазейку для обвинений?

Тенеяр улыбнулся – тонко, почти незаметно, но в этой улыбке читалась уверенность человека, который уже просчитал все возможные ходы.

– Ваше Претенциозное Величество, Советник Морвег, – начал он с безупречной вежливостью, – позвольте сослаться на пункт 42.17-бис Межсветского Кодекса о принципах невмешательства, где четко прописано: «Вмешательством признается действие, повлекшее объективные, измеримые и устойчивые изменения в структуре человеческого мира». Таким образом, чтобы действие считалось «вмешательством в человеческий мир», должны быть последствия – прямые, измеримые, системные. Пожар, срыв выборов, массовая истерия... что-то, что меняет реальность объективно. А у пряников последствий нет. Это образец безупречной деликатности с точки зрения межсветского права!

Он щелкнул пальцами, и над столом возникла голограмма старинной поваренной книги с обгоревшими краями. Страницы переливались алыми всполохами, а буквы то и дело превращались в извивающихся змей, чтобы тут же снова стать текстом.

– Идея такая: наш Наблюдатель с Земли – изящный, улыбчивый тип в твидовом пиджаке приглашает людей на «чашечку чая с домашней выпечкой» – и никто, конечно же, не отказывается. Кто же откажется от сладкого к чаю? Человек откусывает кусочек. Глазурь тает на языке – и в этот миг его охватывает едва заметное усиление какого-то желания. Не приказ, не наваждение – лишь намек, тень мысли о его положении дел. Наблюдатель вежливо кивает: «Вкусно? А расскажите, что вас сейчас больше всего волнует?». И человек, сам того не замечая, начинает говорить о самом важном, что только что вспыхнуло в душе ярче. Когда пряник съеден, эффект постепенно сходит на нет.

Тенеяр провел тщательное расследование – и выяснил любопытный факт. В городе Нижний Новгород в Нижегородской области существует уникальная редакция местной газеты «Волжская панорама», где сложилась многолетняя традиция: все беседы журналистов с собеседниками проходили за чашкой чая с пряниками.

Он активировал голограмму – и над столом совета возникла панорама города: мощные улицы, вывески в старинном стиле, а в центре – просторное здание редакции с вывеской, украшенной витиеватым орнаментом.

– Обратите внимание, – произнес Тенеяр, указывая на мерцающую проекцию. – В Новгороде это не просто ритуал, а основа журналистской этики. Любой серьезный разговор – будь то интервью с мэром, беседа с изобретателем или даже допрос подозреваемого – начинается с приглашения к столу: чай, варенье, а главное – домашние пряники, которые печет пекарня «тетушка Агафья», хранительница пряничной традиции Нижнего Новгорода. Наш агент, в роли помощника пекаря, положит «дьявольские пряники» в поставку для редакции. Тетушка Агафья или кто бы то ни был, и вовсе не заметит разницы – глазурь и форма идентичны.

«Дьявольские пряники» были воплощением тонкого обмана. Внешне они неотличимо повторяли канонический облик нижегородских лакомств: круглые, с четким рельефным орнаментом, оставленным старинной пряничной доской. Узоры переплетались – виноградные лозы, стилизованные птицы, завитки, напоминающие древние руны, – символы, знакомые каждому жителю Новгорода. Сахарная глазурь, безупречно белая и сияющая, как первый снег, тонким слоем покрывала поверхность, маскируя скрытую угрозу. Аромат меда, корицы, имбиря и мускатного ореха пробуждал ностальгию по теплым чаепитиям, витая в воздухе шепотом забытых традиций. Мягкое, пышное тесто таяло во рту, оставляя медовое послевкусие.

Новгород испокон веков славился своим пряничным наследием. Здесь, среди древних стен и звонких рек, искусство создания пряников превратилось в ритуал, защищенный вековыми традициями. По всему городу сохранились старинные печи, где пекари по секретным рецептам выпекали лакомства, передавая мастерство из поколения в поколение. Имя тетушки Агафьи стало синонимом качества: хранительница пряничной традиции, когда-то она пекла по рецепту, зашифрованному в узорах на деревянных досках, и даже сегодня ее пряники были обязательным элементом любого важного события – от деловых встреч до допросов в редакции.

В Новгороде считалось: серьезный разговор без чаепития с пряниками – признак неуважения. Мэр, изобретатель, подозреваемый – все начинали беседу за столом, где дымился чай, красовалось варенье и непременно лежали тетушкины пряники. Это символизировало открытость, доверие, готовность к диалогу. Узоры на пряниках несли глубокий смысл: птицы олицетворяли свободу слова, виноградные лозы – сплетение правды и вымысла, руны – древние клятвы честности. И каждый пряник был мини-манифестом журналистской этики.

Люциус сделал несколько шагов вперед, его тень растянулась по полу, накрывая Тенеяра, словно плащ из непроницаемого мрака. Уверенный в себе младший советник представлялся крошечной букашкой на фоне фигуры Люциуса.

– Ты говоришь смело. Даже дерзко. Мне нравится.

Люциус резко развернулся и вернулся к трону. Пальцы его забарабанили друг о друга, обдумывая новый стратегический план. Вдруг он оглушительно захлопал в ладоши – и тени вокруг младшего советника вспыхнули, окутывая его мерцающим коконом одобрения.

– Утверждаю! – прогремел голос правителя. – Немедленно пригласите в залу повара!

Глава III. Рецепт дьявольских пряников

В воздухе тронного зала за клубился черный дым, из которого возник Главный повар Нижних кухонь, суетливый коротышка с медным колпаком на голове и поварешкой в руке.

– Приготовьте мне «дьявольские пряники» по рецепту прабабки Тенеяра! – Приказал Владыка.

Повар щелкнул пальцами – и над столом повисла древняя книга рецептов, переплетенная в кожу неведомого существа. Страницы ее зашелестели сами собой, пока не раскрылись на нужном месте.

Внезапно из книги вырвалась голограмма прабабки Тенеяра – и вместе с ее образом в зал ворвался жаркий вихрь, пахнувший серой, пряностями и отдаленно – раскаленным металлом. Голограмма мерцала, то вспыхивая багрянцем, то растворяясь в тенях, словно пробивалась сквозь сотни слоев ада.

– Ну наконец-то вспомнили старушку! – рявкнула она басом, от которого задребезжали хрустальные подвески на люстре. – А то я уж думала, вы там, в своем офисе Низшего Света, совсем разучились печь что-нибудь путное, демоны бестолковые!

– Бабуля! – обрадовался разгоряченный Тенеяр, всплеснув руками. – Мы как раз про-клинали твое существование!

– Какое упоительное осуждение в твоих словах, внучок! – ответила старушка, и ее голограмма вспыхнула особенно ярко, окрасившись в багрово-алый. – Слушайте сюда, хвостатые недоумки, – на этих словах Люциус закатил глаза, закрыв лицо рукой. – Нам понадобится: щепотка амбиций. Их можно заменить на зависть, если амбиции закончились, что часто случается. Далее стакан иллюзий, процеженных через сито самообмана. Три капли абсолютного знания – но только чтобы обмакнуть кончик ложки, иначе получится слишком правдиво, а это может перейти в привкус слишком приторной злобы. Мука из перетертых несбывшихся надежд – обязательно просеять трижды, чтобы не осталось комков раскаяния. Мед демонических пчел, которые собирали нектар с цветов сомнений. Корицу из садов запретных желаний – щепотку, не больше! Переложите – и вместо намека получите прямой приказ на исповедь. А я за такие косяки не отвечаю! И глазурь из кристаллизованного тщеславия – блестит так, что слепит глаза даже у ангелов.

Повар осторожно отмеривал ингредиенты, приговаривая:

– Так, амбиции... иллюзии... о, как же они липнут к пальцам! – он стряхнул с руки мерцающую дымку. – Абсолютное знание... кап-кап-кап... Только кончик ложки, только кончик...

Когда он добавил корицу, воздух наполнился пряным, дурманящим запахом, от которого у всех присутствующих на мгновение закружилась голова. Прабабка разгневалась:

– Осторожнее с этим, остолоп рогатый! Говорила, ни горстью больше! Иначе от одного аромата язык зачешется выдать какую-нибудь тайну.

Повар тем временем замесил тесто – оно пульсировало в миске, меняя цвет от темно-фиолетового до мерцающего золотого.

– Теперь в печь! – скомандовал он, ставя противень в раскаленную топку, дверца которой была украшена надписью «Для особо откровенных случаев».

Через несколько минут по залу поплыл дурманящий аромат – сладкий, пряный, с ноткой чего-то запретного. Пряники покрылись глазурью, которая сверкала так ярко, что черти у стен зажмурились.

– Готово! – повар вытащил противень, и каждый пряник сиял, будто крохотное солнце. – Первая партия к отправке в Нижний Новгород!

Люциус взял один из пряников, повертел в пальцах. Глазурь переливалась, отражая лица присутствующих.

– И правда... ослепительно, – прошептал он. – Надеюсь, все ангелы не подкопятся от зависти, когда узнают, что мы тут натворили!

Голограмма прабабки расхохоталась:

– Ха-ха-ха! Какие ангелы? Да сами Серуфимы и Херувимы первыми прибегут за добавкой! А потом – бац! – и уже на площади поют серенады грешникам!

И растаяла в воздухе, оставив после себя лишь аромат пряников и отдаленный звон адских колоколов.

Тенеяр улыбнулся, глядя на сверкающие пряники:

– Ну что ж... спасибо, бабуля, ты, как всегда безмерно порочна!

Люциус поднес пряник к лицу, вдыхая дурманящий аромат – сладкий, пряный, с ноткой чего-то запретного, что даже сам воздух вокруг стал гуще и насыщеннее. Глазурь переливалась на свету, отражая мерцание факелов и тени присутствующих.

– Ну что ж... испытаем творение на создателе, – пробормотал он и откусил небольшой кусочек.

В первый миг он почувствовал лишь волну чистого удовольствия – пряник оказался неожиданно нежным, тающим на языке, с богатым, многослойным вкусом.

Но уже через секунду по телу прокатилась странная волна тепла, словно внутри зажглась крошечная искра. Мысли, которые он годами держал за семью замками, вдруг стали всплывать на поверхность – легкие, свободные, готовые сорваться с губ.

Люциус резко выпрямился, глаза его расширились.

– О... – вырвалось у него. – Так вот как это работает...

Тенеяр, наблюдавший за ним с любопытством, подался вперед:

– Что? Что вы чувствуете, Ваше Кровейшество?

– Чувствую... – Люциус запнулся, пытаясь удержать слова, но они уже рвались наружу, – во-первых, ненавижу эти ваши поклоны! Ну что это за жалкое приседание, будто вы не придворные, а приседающие макаки, готовые испустить нужду?!

Он всплеснул руками:

– Риверанс – это искусство! Вот так: спина прямая, но гибкая, как лоза под ветром. Взгляд – не в пол, нет! В глаза мне смотрите, но с должным почтением. Плавно опускаетесь – не падайте, не плюхайтесь, а именно опускаетесь, будто скользите по гладкой шелковой нити. И вот ты уже касаешься пола кончиками пальцев, словно даришь ему блаженный поцелуй! А у вас что? Какое-то судорожное дерганье, будто кто-то сзади дал вам неуклюжий пинок под зад!

– Во-вторых, – Люциус ткнул пальцем в сторону Морвега, – Дьявольский инспектор по делам сомнительных соблазнов вечно делает вид, что читает древние свитки, а у самого там любовные романы про эльфийских принцесс! Я видел обложку! «Поцелуй ледяного дракона» – серьезно?!

Морвег покраснел так, что его обычно бледная кожа приобрела оттенок адского пламени:

– Это... это для исследования культурных тенденций!

– А в моих величественных покоях находится коф... – Люциус с усилием сжал себе рот, не закончив фразу. Владыка, все еще пребывающий под действием пряника, расхохотался:

– Демонически замечательно! Просто адски замечательно! Пряники работают!

Люциус сделал глубокий вдох:

– Знаете что? Мне... нравится. Это как будто... высморкаться после тысячелетия заложенного носа! Отослать пряники в Нижний Новгород! И немедленно назначить наблюдателя! Ответственным назначается младший советник Тенеяр! Но помни: если объект не оправдает ожиданий, твой следующий доклад будет проходить в неиспробованном котле с новой поставки для особо ретивых советников. И тогда твое резюме перейдет в архив с пометкой «Вынужденный экспериментальный режим».

Тенеяр сглотнул, но голос его прозвучал твердо:

– Принято, Ваше Кровейшество. Запуск проекта «Анализ факторов хронического несчастья среди душ» – в течение двадцати четырех астральных часов.

Люциус кивнул и нажал едва заметную кнопку на подлокотнике. В стене открылся тайник, откуда выплыл свиток, мерцающий алым светом, а с другой стороны бар с чертом-барменом в копытах на высокой платформе с бокалом шампанского.

– Вот тебе полномочия. Главная задача – организовать комплексный аудит причин людского несчастья в сегменте «Человеческий мир». Провести данные сквозь призму рукописи объекта наблюдения. Пусть каждая его строка станет свидетельством нашего строгого соблюдения договоренностей. Когда материал будет собран, оформи его в виде неопровержимого документа по примеру бессрочного закона Наблюдателя Булгакова. Если Высший Свет попытается отвергнуть представленные доказательства... мы обратимся в Верховный суд. И там, перед лицом беспристрастных арбитров, каждая строка рукописи станет весомым аргументом в нашу пользу. Но если что-то пойдет не так – ты ответишь первым. И не вздумай оправдываться. Особенно если вместо исследования наш Наблюдатель вдруг опять решит открыть

коучинговый центр или запустить марафон «Как стать счастливым за семь дней». У меня уже цифровой овердоз, всеужасающие господа-советники! Помните опыт в разделе «Неудачный HR-подбор. Экстра-класс»? Котел и не такое может еще изжарить. А теперь выпьем за это как следует!

Тенеяр принял свиток. Его пальцы слегка дрожали.

– Я не подведу, Ваше Злодейшество.

Едва он закончил фразу, как зал Нижнего Света внезапно преобразился. Тьма, царившая в углах, отступила перед ослепительным сиянием. Из-под сводов хлынули потоки разноцветных огней – изумрудных, сапфировых, рубиновых. С потолка хлынул дождь из мерцающего конфетти – не бумажного, а живого, как бражник «мертвая голова» с дьявольскими лицами на крыльях. Оно кружилось в воздухе, касалось лиц, оседало на мантии советников, оставляя на ткани едва заметные искорки.

В этот миг Низший Свет не был похож на царство мрака. Он стал истоком новой истории – истории, которая вот-вот выйдет за пределы Преисподней и ворвется в человеческий мир.

Где-то вдали, в мире людей, еще ничего не подозревающий писатель открыл чистую страницу. Руки замерли над клавиатурой, ожидая своего первого слова.

Глава IV. Невидимые нити

Дмитрий Громов сидел за письменным столом из коричневого дуба – фамильной реликвией, доставшейся ему от деда. Стол занимал почетное место в самом центре комнаты напротив большого окна в просторной гостиной. За стеклом тихо шелестели вековые липы, а их тени под светом фонарей скользили по паркету, выложенному сложным узором.

Квартира Громова дышала сдержанной элегантностью – словно застывшая мелодия классика в тонах серого, бежевого и древесного, изредка расцвеченная глубокими акцентами бордового. У Громова не было кричащей роскоши, но каждая деталь говорила о вкусе и внимании к мелочам.

Большой книжный шкаф соседствовал с лаконичным кофейным столиком из стекла и металла, резной комод в цвет письменного стола с эргономичным креслом современного дизайна. На стенах – карты мира в старинных рамках, медные подсвечники и литература от философских трактатов до современных романов. Книги расставлены не только по алфавиту, но и по цвету – как палитра художника, который любит порядок во всем.

В воздухе витал тонкий аромат: свежесваренный кофе, табачный дым, старая бумага. Из окна доносились приглушенные звуки вечернего города – шум машин, звон трамвайных колес, – но там, в уютом пространстве, время текло медленнее. Освещение было продумано до мелочей: мягкий свет торшера с кремовым абажуром, приглушенное сияние бра с матовыми стеклами. Все дома у Громова создавало атмосферу, где мысль могла раскрыться без суеты.

Сам хозяин квартиры выглядел как человек, для которого внешний облик – не прихоть, а часть самовыражения. Крепкая фигура с широкими плечами и уверенной посадкой головы сочеталась с изысканной небрежностью: белоснежная рубашка идеально выглажена, манжеты аккуратно застегнуты на запонки, брюки со стрелками сидят по фигуре, туфли начищены до зеркального блеска. Иногда на плечи ниспадал тонкий кашемировый свитер или свободный пиджак – словно штрих, смягчающий строгость образа.

Его лицо притягивало взгляд: высокий лоб, слегка неровный нос, волевой подбородок, обрамленный легкой щетиной, которую он брил с хирургической точностью. В уголках глаз уже проступали первые тонкие морщинки – следы частых улыбок и пристального внимания к миру. Но главное – глаза: темно-карие, почти черные, с живым, цепким взглядом, который,

казалось, фиксировал каждую деталь. В них то мерцала ирония, то загорался неподдельный интерес к жизни.

Густые каштановые волосы с легким медным отливом он носил коротко, но так, чтобы оставалась возможность взъерошить их рукой в момент задумчивости. Они всегда выглядели ухоженно – ни намека на небрежность. Движения Громова были непринужденными: как он пластично наливал чай, переворачивал страницу книги, прикуривал сигарету. В нем чувствовалась привычка к хорошему обществу и умение держаться в любой компании.

На его столе стоял открытый ноутбук с мерцающим экраном, стопка блокнотов в кожаных обложках, ручка Parker с золотым обрамлением, чашка с крепким американо, всегда наполовину полная и хрустальная пепельница с единственной сигаретой, выкуренной лишь на одну

четверть. За спиной – полка с книгами, среди которых можно найти издания Кафки, Пруста, Набокова. Рядом с книгами – фотографии в простых черных рамках: старый снимок родителей, групповое фото друзей, кадр из путешествия по Италии. Ни пылинки, ни случайного предмета – каждая вещь на своем месте. Даже сигареты в пепельнице лежали строго параллельно друг другу. Это не была стерильность музея – скорее продуманная гармония, где каждая деталь имела смысл и место.

Громов отошел от окна, расстегнул первую пуговицу белоснежной рубашки и сел за кресло у письменного стола. В руке – сигарета. Тонкий столбик дыма поднимался к потолку, растворяясь в приглушенном свете настольной лампы. Он затаился, выдохнул, посмотрел на экран. Курсор мигал, гипнотически унося Громова в утренний разговор с начальником.

Тот вызвал Громова к себе сразу после планерки – в кабинет, пропахший старым табаком и полиролью для мебели. Борис Семенович, грузный мужчина с седыми усами и толстой папкой в руках, встретил его кивком и сразу перешел к делу:

– Дима, у нас новый проект – «Лица Нижнего Новгорода». Нужно показать город через людей: не забудь про мэра. И про других представителей городской элиты – директоров крупных предприятий, влиятельных бизнесменов, меценатов. Это же костяк города, его движущая сила. Сделай несколько материалов – покажем, как они работают на благо города.

– Рекламный материал? – нахмурился Громов.

– Давай повывыделывайся мне тут еще! Рекламный, не рекламный – не твоего ума дело. Нужна статья и тебя волновать не должно – аналитическая или рекламная. Надо будет – и про женские тампоны писать начнешь. Понял меня?

Громов сжал челюсти, но сдержал рвущийся наружу резкий ответ. Он знал этот тон Бориса Семеновича – тон человека, привыкшего к беспрекословному подчинению.

– Понял, – коротко ответил Громов, стараясь сохранить спокойствие. – Но позволю себе заметить: если мы будем писать только о мэре и элите, проект потеряет суть. «Лица Нижнего Новгорода» – это, в первую очередь, не про власть и деньги. Это про людей, которые делают город живым. Как вам мастер-обувщик, который чинит туфли сорок лет на одной улочке? Бабушка, выращивающая розы на балконе?

Борис Семенович раздраженно махнул рукой:

– Опять ты со своими бабушками!

– Бабушки – это хорошо, – засмеялся Громов.

– Прохор Шаляпин тоже так считает, кстати! Подкинуть номерок? Вы найдете общий язык! Ну что за шутки, Громов! Мэр – это бренд. Директор завода – это экономика. А твой обувщик – это... ну, мило, возможно, но на третью полосу, не выше.

– А я считаю, что именно эти «третье полосные» истории и есть настоящий Нижний Новгород, – твердо возразил Громов. – Потому что в простых жителях – душа города.

Редактор откинулся в кресле, побарабанил пальцами по столу:

– Душа, значит... – протянул он с сарказмом. – А рекламодателям ты тоже душу продавать будешь?

– Нет, она давно продана. Дьяволу, – рассмеялся Громов, не осознавая правдивости сказанных слов.

Редактор молчал, взвешивая слова. Он знал: что проект может превратиться в набор официальных портретов. Но если писать про одних бабушек и обувщиков проект рискует получиться скучным – не во благо рекламодателям, конечно же.

– Нет, пишем про мэра и прочих. – попытокнул Борис Семенович.

– Хорошо, – наконец произнес Громов. – Напишу я про мэра. Но с одним условием.

Борис Семенович удивленно поднял брови:

– Условием? Ты в своем уме, Громов?

Громов знал: ему позволяется ставить условия. Не из дерзости и не из самоуверенности – а потому что за годы работы он выстроил с Борисом Семеновичем отношения, где ценились не покорность, а результат и честность.

Он не злоупотреблял этим правом. Никогда не выдвигал требований по мелочам, не торговался из-за гонораров, не ультиматумил. И за все время ни разу не просил премий.

Начальник ценил его за точность в работе с фактами, за умение находить неожиданные ракурсы в привычных темах и за готовность браться за самые неудобные сюжеты, которые другие обходили стороной. Это основание не было пустым. Громову поручали самые острые сюжеты, позволяли отстаивать свою точку зрения на планерках, от этого в финансовом плане начальник никогда его не обижал. Громов имел одну из самых высоких зарплат среди своих коллег. И потому Громов старался держать планку. Не ради похвалы и не ради карьерного роста, а потому что не хотел разочаровать человека, который в него верил. Он помнил, как однажды Борис Семенович, прочитав его черновик о злоупотреблениях в строительной отрасли, сказал: «Материал сильный, но, если опубликуем в таком виде – нас завалят исками, а потом перекроют кислород все подрядчики. Давай перепишем ключевые абзацы так, чтобы факты остались, а поводов для суда не было». Тогда Громов внутренне сопротивлялся – ему хотелось резкости, бескомпромиссности, – но со временем осознал, что нужно работать над дальновидностью. Пока другие без конца жаловались на отсутствие честной журналистики, Громов принимал правила игры – и умел в них побеждать. Он не ныл о «продавшихся редакторах» и не обвинял систему, не устраивал демонстративных жестов вроде отказа от заданий или публичных скандалов. Он четко осознавал: журналистика – это бизнес. А в бизнесе выживает тот, кто умеет сочетать принципы с прагматизмом.

– Да. Я напишу про мэра, но не как про чиновника, а как про человека. Без пресс-релизов, без заготовленных фраз. Я проведу с ним несколько часов в обычной жизни. Покажу его не на совещании, а за чашкой кофе. Не на открытии объекта, а когда он возвращается домой уставший. Тогда будет честный портрет. Хорошо же?

Редактор задумался. Он понимал: такой подход может обернуться как блестящим материалом, так и скандалом. Но в словах Громова была логика – читатель любит искренность.

– Ладно, – неохотно согласился Борис Семенович. – Но смотри у меня: без провокаций. И параллельно начинай собирать материал на других героев – тех самых твоих обувщиков и бабушек. Но чтобы в каждом очерке была не просто история, а какая-то идея, какой-то нерв. Понял меня, Громов?

– Понял, – кивнул Дима, чувствуя, как внутри разливается облегчение. – Будет нерв. И будет правда.

Тогда Громов еще не осознавал, что правда действительно будет. Но какой ценой?

Дмитрий сидел, все еще уставившись на экран. Что именно он будет писать? В голове крутилось множество мыслей, но ни одна не хотела складываться в четкую фразу. Он откинулся на спинку кресла, провел рукой по темным волосам, затем снова взглянул на экран. Это был особенный вечер. Он ощущал в себе не просто желание написать статьи. Это было ощущение, будто что-то давно дремлющее в нем наконец пробудилось. Каждый день Дмитрий работал с текстами – шлифовал журналистские статьи для газеты «Волжская панорама», выводил на чистую воду полутона в рецензиях, ловил неуловимые оттенки смысла между своих же строк. Он привык к этому ритму: утро начиналось с кофе и правки черновиков, полдень – с интервью или выезда на место событий, вечер – с неторопливого анализа собранного материала. Слова были его инструментом, его воздухом, его игрой, но появилось нечто другое. Ранее незнакомое чувство. Не мимолетный порыв, не каприз его творческого настроения. Это была интенция – глубокая, почти физическая потребность писать о людях. Ранее подобного он никогда не испытывал.

– Это безумие, – пробормотал про себя Громов, вновь затягиваясь сигаретой. – Да кто я такой вообще, чтобы рассуждать и писать об этой жизни? Летописец? Историк? Философ?

Но другой голос в голове, тихий и настойчивый, ответил: «Ты тот, кто видит. Ты тот, кто слышит. Ты тот, кто помнит. И тот, кто знает, как правильно ставить запятые..»

Лицо Громова озарила его неизменная улыбка. Его губы изгибались не резко, а плавно, словно рисунок на фарфоровой чаше – с идеальной симметрией, но без холодной безупречности. В выражении лица таилась скорее полуулыбка, намекающая: «Я вижу больше, чем вы думаете, но не буду этого показывать». В этой улыбке был весь Громов: с легкой иронией, искренним интересом и едва уловимой теплотой, будто он делился с миром некой общей тайной.

В глубине души он знал, что голос внутри говорит правду. Он всегда на все смотрел «со стороны», не просто фиксируя события, а проживая их «своей шкурой», только через призму чужого опыта.

Громов дошел до буфета в цвет письменного стола, в котором нашупал бутылку выдержанного армянского. Он любовно поглаживал прохладное стекло, словно здороваясь со старым знакомым. Затем налил ровно на три пальца в тяжелый хрустальный бокал – ни больше, ни меньше. Дмитрий Громов не пил коньяк залпом. Он смаковал его, как писатели смакуют удачную фразу. Сначала вдыхал аромат: ноты дуба и чуть пряной теплоты. Потом делал маленький глоток, чтобы почувствовать, как мягкий огонь растекается по языку, согревает изнутри, но не обжигает. И наконец задерживал вкус на мгновение, прежде чем проглотить.

В эти минуты квартира начинала меняться. Тени от ламп становились еще мягче, шум города за окном – приглушеннее, а мысли – отчетливее. Коньяк не затуманивал разум, а, напротив, прочищал его. Коньяк был похож на Громова в редакции, который вычитывал готовый текст: убирал лишнее, оставляя самую суть.

С бокалом в руке он подошел к окну и краем бедра присел на подоконник. За окном раскинулся Нижний Новгород – город, который многие называли «городом грехов». И это прозвище не было пустой метафорой: оно отражало двойственную природу места, где соседствовали величие и упадок, духовность и пороки, красота Волги и тенистые закоулки, хранящие секреты. Нижний Новгород раскинулся на слиянии двух рек – Волги и Оки, и его ландшафт словно отражал раздвоенность человеческой души: верхние части города были парадными – с золотыми куполами храмов, купеческими особняками, широкими бульварами, где царили респектабельность и показная благопристойность, а нижние районы представляли собой тесные, извилистые улочки, полуразвалившиеся доходные дома, кабаки, где до рассвета звучали пьяные песни, и тайные притоны, куда не заглядывали обычные городовые.

Громов сознательно выбрал для жизни один из таких районов – Рождественскую слободу, где фасады старинных зданий скрывали за собой лабиринты дворов-колодцев, а в воздухе витал запах речной сырости, табака и чего-то неуловимо тревожного. Для него Нижний Новгород был не просто фоном – он резонировал с его собственным мироощущением. Здесь легко было поверить, что случайная встреча у моста или обрывок разговора в трактире могут изменить судьбу. Город, где на одной площади молились в соборе, а за углом заключали сомнительные сделки. Нижний Новгород – символ человеческой природы – падшей, но не лишенной надежды.

Особенно Громов любил наблюдать за городом в сумерках. Тогда фонари зажигались один за другим, бросая дрожащие отблески на мостовую, а тени становились длиннее и загадочнее. В этот час Нижний Новгород словно сбрасывал маску обыденности и обнажал свою истинную суть. Громов увидел, как на мосту встретились двое – мужчина в черном пальто и женщина с зонтиком. Они обменялись парой слов, затем разошлись, но в голове Громова созрела уже целая история.

Громов почувствовал, как внутри разгорается теплый и ровный огонь. Это был не коньяк и даже не вдохновение – так созрело понимание. Он с самого начала знал, о чем будет писать. Представил, как будет выстраивать статьи – не как сухие рассуждения, а как истории. Как сама жизнь. Как невидимая нить, связывающая судьбы. Слова, только что рожденные в потоке мыслей, словно повисли в воздухе. «Невидимые нити» – он повторил про себя эту фразу, и внутри что-то щелкнуло: вот оно. «Невидимые нити...» – прошептал он, пробуя слова на вкус. Они идеально ложились на замысел.

Он наклонился к экрану компьютера и, ощущая прохладу клавиатуры своего ноутбука начал писать:

«Сегодня я понял, что я – нитка. Мы все – нити в ткани мира. Кто-то блестящий шелковый, кто-то уютный хлопковый, а кто-то – слегка пушистый и склонный к запутыванию, как я. И каждая нить нужна. Я не вижу общей картины нашего гобелена – и, честно говоря, даже не хочу. Вдруг выяснится, что мы ткем розовый гигантский шарф для жирного неопрятного космического великана? Но я точно знаю, эта история про вас, дорогие читатели. Из ваших нитей – наш город. Из ваших стежков – наша история.»

Громов откинулся в кресле, задумчиво покрутил в пальцах ручку. В голове выстраивались образы, ситуации, мгновения – те, что обычно ускользают от взгляда, но на самом деле меняют все вокруг. Он представил статью на развороте газеты: строгий шрифт, минимум декора. Можно немного юмора. Иллюстрации чернилами. Ничего кричащего – как и сама идея. Люди, связи, судьбы – все это существует скромно, без фанфар. Руки сами потянулись к воплощению в жизнь, желая добавить каплю самоиронии:

«Если мой узор выйдет несуразным или больше похожим на то, что совсем юные мальчишки вырисовывают, проливая желтую струю на снег – ну что ж. Не обессудьте. Это не беспорядок. Это мой авторский стиль.»

Громов улыбнулся. Теперь проект обрел не только душу, но и имя.

Он потянулся к клавиатуре и аккуратно вписал в начало документа: «НЕВИДИМЫЕ НИТИ. История о том, что связывает нас всех.» Экран будто засветился по-новому. Теперь все было на своих местах. Осталось только писать.

Громов аккуратно поставил точку после названия и на мгновение замер, любясь строгими черными буквами на белом экране. В этот миг комната словно затаила дыхание. Тишину разорвала внезапная вспышка. Не громкая, не пугающая, а мягкая, почти невесомая. Свет залил пространство, будто кто-то невидимый провел кистью по воздуху, окрашивая тени в перламутровые оттенки. На долю секунды все вокруг потеряло резкость: книжные полки растворились в сиянии, тени от ламп затрепетали, а воздух наполнился едва уловимым мерцанием, словно в нем рассыпались миллионы крошечных звезд.

Дмитрий слегка прищурился, но не отстранился от стола. Он лишь почувствовал, как по спине пробежала волна холодных мурашек, а в груди появилось странное, почти детское ощущение страха. Громов невольно вздрогнул – пронзительная вибрация телефона разорвал хрустальную тишину, словно камень, брошенный в зеркальную гладь пруда. Мерцание мгновенно рассеялось, будто его и не было.

На экране высветилось: «Анна». Он медлил с ответом, все еще находясь под впечатлением от странного видения. В воздухе будто повисла недосказанность.

– Дима, я не понимаю, ты где? – в трубке раздался знакомый голос, от которого на душе немного потеплело. – Я уже десять минут пытаюсь до тебя дозвониться!

Громов провел рукой по лицу, словно стирая остатки наваждения.

– Извини, задумался, – ответил он, пытаясь собраться с мыслями. – Что-то я сегодня... рассеянный.

– «Рассеянный» – это мягко сказано, – фыркнула Анна. – Ты в порядке? Голос какой-то... странный.

Он оглядел комнату: все было на своих местах. Ни намек на то перламутровое сияние, ни следа мерцающих звезд в воздухе. Может, это просто игра света? Усталость? – Все нормально, – сказал он чуть тверже. – Просто... только что начал работу над новым проектом.

– О, работа ночью – как всегда! – в голосе Анны зазвучали нотки раздражения. – Значит, давай отпразднуем. Я как раз купила то самое вино, о котором ты говорил. И сыр. И даже шоколадные трюфели.

Громов невольно улыбнулся. Ее энергия, такая простая, такая настоящая, легко вернула его из мира туманных видений в уютную реальность.

– Звучит как план, – сказал он, закрывая ноутбук. – Буду через полчаса.

– Только давай без «еще одного абзаца», я серьезно.

– Обещаю, – рассмеялся он. – Никаких абзацев. Только сплошной текст!

– Дурак! Жду тебя, Громов.

За окном медленно сгущались сумерки. Вдали, за чертой города, мерцали огни – миллионы жизней, каждая со своей трещиной, со своей историей.

Громов вызвал такси, накинул пиджак и выбежал под моросящий весенний дождь, не зная, что в этот самый момент первые строки «Невидимых нитей» уже начали свое движение сквозь миры.

Где-то в Нижнем Свете Люциус улыбнулся, глядя в зеркало, где отражалась строка: «Сегодня я понял...»

– Начинается, – прошептал он, выражая нечеловеческую улыбку. – Пусть пишет.

Глава V. Пушкинская шутка

Ночь, которая начиналась так тепло и уютно, к полуночи обернулась тихим, но острым конфликтом. Все началось с мелочи. Анна, наливая второй бокал вина, небрежно заметила:

– Оставайся сегодня у меня. Завтра на работу, но от меня ближе – можно поспать.

Громов помедлил с ответом. Он смотрел на блики света в бокале, на тени от веток за окном кухни, на ее напряженное лицо – и не находил в себе решимости согласиться.

– Мне нужно домой, – сказал он мягко, но твердо. – Есть пара мыслей по статье, хочу записать, пока не выветрилось.

Анна резко поставила бокал на стол – звон раздался слишком громко в тишине квартиры.

– Все как всегда, – произнесла она без гнева, но с отчетливой горечью. – Ты же знаешь, я не против работы. Но так нельзя жить. Я не имею для тебя никакого значения.

– Это не так, – возразил Громов, но прозвучало неубедительно даже для него самого.

– Правда? – Анна отошла к окну, обхватив себя руками. В ее словах считывался сарказм. – Дима, ты лучший журналист, которого я знаю. Ты видишь людей насквозь, пишешь так, что мурашки бегут по коже. Но как партнер... ты худший из возможных. Потому что не умеешь быть здесь.

Молчание повисло между ними, тяжелое и колющее.

– Ладно, – сказала Анна наконец, голос ее звучал устало. – Если тебе так нужно домой – уезжай.

Она помолчала, глядя в темноту за стеклом, пока Дима одевался в коридоре, а потом, будто невзначай, добавила:

– Меня позавчера Илья звал на кофе в «Чашку». Это я так, к слову... Думаю сходить.

В ее тоне была подростковая надежда – не на то, что он разрешит или запретит, а на то, что встрепенется, схватит за руку, скажет: «Нет, не ходи. Останься со мной. Давай разберемся во всем сейчас».

Но Громов лишь рассеянно кивнул, слегка улыбнувшись.

– Да, неплохая идея, – произнес он. – Илья хороший парень. И кофе, в «Чашке» – самый вкусный.

Он вышел в промозглую темноту, хлопнула дверь подъезда. Город спал, фонари горели тускло, а где-то там, в теплой квартире с недопитым бокалом вина на столе, Анна стояла у окна, глядя, как его фигура исчезает в ночи.

К своему тридцати одному году Громов уже успел побывать в браке – коротком, почти незаметном, как случайная закладка в книге, которую потом не можешь найти. Но этого хватило, чтобы навсегда изменить отношение к браку в целом. Громов не мог назвать день или час, когда все пошло не так. Не было ни скандала, ни громких обвинений, ни даже холодного отчуждения – только медленное, почти незаметное угасание чего-то важного. Однажды жена просто сказала ему, что разлюбила. Он не понимал, как она разлюбила. И главное – почему.

Именно это непонимание – отсутствие четкой границы, за которой любовь превратилась в привычку, а потом и в пустоту – окончательно убедило Громова: он больше не будет убиваться горем. Не станет искать виноватых, копаться в прошлом или гадать, что упустил.

«Если чувства могут уйти так тихо, так незаметно, – значит, они никогда не были по-настоящему прочными, – решил он. – А раз так, то и жалеть не о чем». Он выстроил жизнь по собственным правилам – без ожиданий, без иллюзий и без страха что-либо потерять.

Громов не скрывал своей позиции – и уж точно не стал бы делать это от Анны. На его скептический взгляд на брак Анна лишь улыбалась. В ее голове уже складывался собственный сценарий – тот, где Громов, несмотря на все свои заявления, однажды поймет, что с ней все иначе. Как и свойственно думать многим девушкам, она верила: ее любовь, ее терпение, ее умение быть рядом в нужные моменты – все это рано или поздно растопит его броню. Она не считала себя наивной, нет. Просто знала: люди меняются. Особенно когда встречаются кого-то по-настоящему важного. «Он просто еще не встретил ту самую, – думала она. – А теперь вот встретил меня. И рано или поздно это осознает».

Она замечала его привычки, его холодность к разговорам о будущем, его легкость в расставаниях – но все это казалось ей не принципиальной позицией, а лишь защитной реакцией. «Он боится снова обжечься, – рассуждала Анна. – Но со мной такого не будет. Я же не такая».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.